

УДК 801.82: 830–3 Гамзатов
DOI: 10.5281/zenodo.1195533

ЖАНР ПРИТЧИ В КНИГЕ Р.Г. ГАМЗАТОВА «МОЙ ДАГЕСТАН» КАК ПОУЧИТЕЛЬНОЕ РИТОРИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАГЕСТАНСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ

М.Д. Ваджибов

Дагестанский государственный университет

Аннотация. В статье описан жанр притчи в книге Р.Г. Гамзатова «Мой Дагестан» в переводе с аварского языка на русский язык как поучительное риторическое средство для дагестанской студенческой аудитории. Это является новизной в национальной речевой культуре, да и в педагогической и филологической науке, нацеленной на образование и воспитание учащейся молодежи в условиях дагестанского полиязычия. Акцент делается на мысли о том, что притча как жанр в настоящее время должна быть востребована в студенческом образовательном пространстве, ибо она действительно является школой красноречия и имеет аксиологическую ценность. Рассмотрены объем, содержание, тематика, специфические особенности и степень изученности притчи в книге. Большое место в статье отведено вопросу о целесообразности применения в переводе отсутствующего в оригинале понятия «притча», целью которого прежде всего является нравоучение. Многолетний опыт общения с учащимися высшей школы нам подсказывает, что коммуникация бывает успешной и результативной при апелляции к притчевым историям из гамзатовской книги. Такие нарративы украшают любые публичные устные выступления и материалы в периодической печати, а также private и учебно-воспитательные беседы.

Ключевые слова: жанр, притча, средство, нарратив, рассказ, история, легенда, Дагестан, Р.Г. Гамзатов, дагестанское образовательное пространство, студенческая аудитория, школа красноречия, риторическое воспитание, аксиологическая ценность.

О творчестве Расула Гамзатовича Гамзатова написаны монографии, научные и публицистические статьи и критические отзывы, защищены диссертации, сняты научно-популярные передачи, по его произведениям подготовлены художественные и документальные фильмы и театральные постановки, ему посвящены тысячи и тысячи интернетовских страниц на разных языках, в честь писателя проводили и постоянно проводят различные культурные мероприятия, связанные с мотивами в его прозе и поэзии, а также с его жизненным и творческим путем, труды поэта изучают в образовательных и научных учреждениях, и они переведены на многие языки. При этом, на наш взгляд, не все аспекты в творчестве поэта научно освещены, ибо многочисленные стихи и поэмы, эссе и научно-популярные и публицистические выступления еще ждут своей всесторонней оценки тех

исследователей, кто увлекается литературоведческим, лингвистическим или риторическим анализом художественного слова.

Одним из аспектов, который должен быть научно исследован, является внедрение жанрового своеобразия притчи в творчестве писателя в образовательный процесс вуза. Поэтому в настоящей статье мы по возможности решили дать полный анализ притчи как малого жанра, а также ее роль в формировании и развитии риторических способностей учащихся и значимость в назидании дагестанских студентов в известном прозаическом произведении великого мастера слова «Мой Дагестан». Это является новизной в национальной речевой культуре, да и в педагогической и филологической науке, нацеленной на образование и воспитание учащейся молодежи в условиях дагестанского полиязычия.

«Книга «Мой Дагестан», являясь новым, новаторским произведением, в таком статусе начала завоевывать сердца читателей разных народов и континентов и получила заслуженную популярность и признание. Она сыграла весьма важную роль в оживлении литературной жизни страны и науки о ней. Вряд ли книга другого автора вызвала столько откликов, суждений, оценок, как «Мой Дагестан». Эта активность продолжается и в наши дни» [15, с. 82]. Также можно выразиться, очевидно, и при анализе приведенных в этой книге так называемых притч и притчевых историй, при определении их значимости в обеспечении студентов необходимым дидактическим материалом в обучении ораторской культуре.

Гамзатовскую притчу как риторическое средство с целью воспитания дагестанской студенческой аудитории подробно до сих пор никто не исследовал. Попытаемся найти ораторские элементы в притчах, использованных в книге поэта, и эти элементы, очевидно, могут и должны быть применены в учебном процессе при обучении студентов полиязыковой аудитории риторике или иной речеведческой дисциплине. В принципе данный материал небесполезен и для тех, кто вообще интересуется притчей. При этом обращаемся не к оригиналу, а к его переводу на русский литературный язык. Подлинник книги используем по мере необходимости.

Целесообразно описание картины степени изученности притчи в книге Р.Г. Гамзатова «Мой Дагестан»: данный жанр частично стал объектом наших научных и научно-методических исследований. К ней мы обращались в ряде публикаций [5, сс. 223, 226; 6, с. 149; 7; сс. 32, 33, 35 и др.]. Помимо этого, притчу в указанном выше произведении так или иначе отражали в своих работах и другие ученые [1, сс. 86, 87; 21; 25, с. 218 и др.]. Ф.Х. Мухамедова пишет, что на конференции, посвященной 90-летию великого дагестанского поэта, выступила С.Х. Хурдамиева с докладом «Притча в книге Расула Гамзатова “Мой Дагестан”» [18, с. 183]. К сожалению, по объективным причинам у нас нет возможности изучать и описать содержание данного доклада.

В источниках читаем: *«Книга изобилует всякого рода притчами, описаниями давно минувших событий»* [25, с. 218]; о главе первой книги **«О форме этой книги. Как ее писать»** отмечено: *«Обильно снабженная*

притчами и поговорками, легендами и реальными историями, которые гармонично сочетаются по смыслу и нанизываются одна на другую, глава эта подводит итог размышлению о том, что и как должно быть написано о его родном Дагестане» [14, с. 71].

Применение самого понятия «притча» в Книге, «которая заслужила, чтобы ее писали с прописной буквы» [4, с. 223], связано с именем Вл. Солоухина, переводчика самой Книги с аварского языка на русский язык. Дело в том, что, по информации носителей аварского языка, в Книге Р.Г. Гамзатова, впервые написанной именно на аварском языке, не использовано понятие «притча», но даны истории, случаи, рассказы и пр., в переводе преподнесенные как притчи. К примеру, заглавие «**Гъаб тӀехь хъвазе дие чара гъечӀого бищунго щиб хӀажат бугеб? Дир меседил ччугӀида дица щиб гъарулеб?**» [28, с. 146] буквально означает: «**Что мне необходимо больше всего для написания этой книги? Что я прошу у своей золотой рыбы (рыбки)?**». В переводе Вл. Солоухина это заглавие звучит следующим образом: «**Притча о поэте и золотой рыбке**» [9, с. 148]. Естественно, два вопросительных предложения на языке оригинала в корне и интонационно отличаются от перевода в форме словосочетания.

Слово «притча» в Книге в переводе на русский язык употребляется 23 раза, но самих так называемых притч, согласно переводу Вл. Солоухина, чуть меньше. В первой Книге слово использовано 20 раз, а заголовков-названий с понятием «притча» всего 13. Это не означает, что в ней больше не использовано притч. К примеру, в указанной первой Книге даны притчи без употребления в заглавии самого понятия или без самого заглавия [9, сс. 88, 89, 150, 152 и др.].

Во второй Книге концепт «притча» представлен только три раза, причем в ней эта лексема не встречается в подзаголовках или рубриках. Даем все три случая: «*Расскажу и еще один случай, только уж не притчу, а быль*» [9, с. 244]; «*Когда горцам говорили, что колхозу дадут машины, они тут же качали головами, вспоминая притчу о лисе*» [9, с. 244]; «*- Я расскажу тебе притчу об одном очень богатом человеке*» [9, с. 273].

Притчу сам автор в переводе на русский язык, возможно, хотел называть историей, ср.: «*Вторая история - насчет одного дурака. Известно, что в каждом ауле живет по одному дураку. Это и хорошо...*» [9, с. 89-90]. Мы данную историю определяем как притчу, учитывая содержание так называемых притч: в них также даны истории. Кроме того, акцентируем внимание на том, какая мысль предложена после рассматриваемой второй истории: «*Иногда я думаю над этой притчей, и мне приходит в голову мысль, что, пожалуй, для одного аула достаточно и одного мудреца*» [9, с. 90]. Очевидно, первая история также должна быть представлена как притча [9, с. 88-89]. При этом следует разделять мнение К.И. Абукова, авторитетного исследователя в кругах дагестанской литературной критики: «*Талантом наделить никто не способен, даже жена, – иронизирует Расул Гамзатов в притче «Пусть будет старая, но талантливая», смеясь над горцем, который в погоне за литературным именем женился на столичной даме-переводчице*» [1, с. 87]. В первоисточнике на

русском языке находим: *«А ведь много еще людей, которые надеются, что их либо подтолкнут, либо подтянут. Вот маленькая история, которую можно было бы назвать так: Пусть будет старая, но талантливая»* [9, с. 152]. Таких маленьких и больших историй, случаев из жизни, целью которых прежде всего является нравовучение, в Книге предостаточно. Притчей называет К.И. Абуков и фрагмент под названием **«Как я потерял кунака»** [9, с. 150-151]: *«В то же время талант не передается по наследству; нередко от мудреца рождается глупец, а сын глупца вырастает мудрым человеком. Это подтверждается великолепной притчей «Как я потерял кунака». В ней описан юноша, который по праву родственника Махмуда пытается «выбиться в известные поэты»»* [1, с. 86]. В самой Книге этот кусочек не назван ни историей, ни рассказом, ни сказкой, ни легендой, ни сказанием, ни преданием, ни случаем, ни былью, ни новеллой...

Повторяем: в аварском тексте мы не обнаружили понятия «притча». Очевидно, в дагестанских литературах нет такого малого жанра, который соответствовал бы русскому. Поэтому, по всей видимости, в оригинале на любом местном языке при обращении к рассматриваемому жанру использовали бы понятие «притча». Мы проверили применение жанра притчи и по другим дагестанским художественным и литературно-критическим источникам и пришли к выводу, что данный концепт в дагестанской национальной литературе использовали и используют, но, очевидно, не пользовались и не пользуются термином «притча». В принципе это не существенно. Важнее то, что в притчах в Книге подчеркиваются своеобразие дагестанской этнокультуры, дагестанского национального быта, героизм и патриотизм горцев как образцы для подражания подрастающим поколением.

Нам думается, что в аварском языке автор вместо притчи употребил и слово «хабар» [28, с. 69], одним из значений которого является понятие «рассказ». Данный концепт, по нашим подсчетам, в книге на языке оригинала использован более 70 раз. Это говорит о том, что если «хабар» перевести как притчу, то в «Моем Дагестане» должно быть больше притч. При этом наше мнение не является абсолютной истиной, потому что в переводе вместо «хабар» может быть использовано не только понятие «притча», но и слово «новость». В следующем же примере на аварском языке перед нами случай употребления концепта в значении «притча», ср.: *«Гъеб хабар бицана дие АбутIалибица цо Дагъистанальул поэт, рикIкаде командировкальги ун, тIад вуссарэб мехаль»* [28, с. 69]. Перевод: *«Эту притчу мне рассказал Абуталиб по случаю того, что один дагестанский поэт вернулся из далекой командировки и привез два плохих стихотворения»* [9, с. 72].

Сам автор, писавший о том, *«Что это будет: рассказ, повесть, сказка, предание, легенда, раздумье или просто статья - я не знаю»* [9, с. 96], подчеркивал: *«Об этом и есть рассказ...»* [9, с. 243]. И после этого рассказа, после вывода сразу же находим следующую мысль: *«Расскажу и еще один случай, только уж не притчу, а быль»* [9, с. 244]. Как видим, писатель в переводе Вл. Солоухина рассказ называет притчей. Но при этом он, как ни парадоксально, быль не рассматривает как притчу. Быль – это то, что

произошло в действительности, а притча – это как бы вымышленное, но в книге в роли притчи выступает то, что имело место в жизни автора, отца автора – поэта Гамзата Цадасы, Шамиля, Абуталиба, других исторических и легендарных личностей Дагестана, друзей и знакомых поэта, простых горцев, даже птиц и животных и т. д.

Мы пришли к мысли, что многие истории, рассказы, случаи можно считать притчами, несмотря на то, что данным концептом Р.Г. Гамзатов в подлиннике не пользовался. При этом, как мы уже убедились, и переводчик не всегда указывал, что автор дает притчу. Так, к примеру, в книге изложена история о бедняке, «*которому хотелось выглядеть богачом*» [9, с. 188]. Это и есть притча, похожая на анекдот.

Притчи с указанием жанра в заглавии в первой Книге расположены в следующем порядке:

1. Притча о тропе моего отца [9, с. 24] – самого названия в оригинале нет [28, с. 22].

2. Притча о балхарце и о его кляче [9, с. 39] – в оригинале (на аварском языке): *Бархъалисесул чу* – «Лошадь балхарца» [28, с. 37].

3. Притча о двух горцах, ходивших в лес [9, с. 71] – в оригинале: *Блокноталдасан* – «Из блокнота» [28, с. 69].

4. Притча о глухой невесте [9, с. 72] – в оригинале: *Гинкъай бахIарай* – «Глухая невеста» [28, с. 70].

5. Притча о птичке, пожелавшей сравниться с орлом [9, с. 87] – в оригинале: *Блокноталдасан* – «Из блокнота» [28, с. 89].

6. Притча о третьей жене [9, с. 137] – в оригинале: *Лъабабилей чужу* – «Третья жена» [28, с. 136].

7. Притча о горце, приехавшем в Махачкалу [9, с. 145] – в оригинале: *Блокноталдасан* – «Из блокнота» [28, с. 143].

8. Притча о поэте и золотой рыбке [9, с. 148] – в оригинале: два предложения, см. выше [28, с. 146].

9. Притча об Абуталибе и Хатимат [9, с. 158] – в оригинале: *АбутIалибги Хатиматги* – «Абуталиб и Хатимат» [28, с. 159].

10. Притча о Шангрее, его сыне и пяти рублях [9, с. 174] – в оригинале: *Инсуца бицунаан. (Шангерейги васги)* – «Отец рассказывал. (Шангрей и сын)» [28, с. 175].

11. Притча о балхарских гончарах, об их горшках и о негодных покупателях [9, с. 176] – в оригинале: *Гъале гъеб* – «Вот это» [28, с. 177].

12. Притча о единственном поэте [9, с. 186] – в оригинале: *Гъаб АбутIалибица бицана* – «Это рассказал Абуталиб» [28, с. 187].

13. Притча о богатом хане, о его сыне и о хинкалах из курдюка с чесноком [9, с. 213] – в оригинале: *Вехъасул хинкIалги ханасул васги* – «Пастушьи хинкалы и ханский сын» [28, с. 213].

На названия этих притч, которые даны в переводном тексте как заголовки, обращено в специальной литературе пристальное внимание: «*В заглавии каждой притчи содержится информация о ее содержании: «О тропе моего отца»; «О балхарце и о его кляче»; «О двух горцах, ходивших в лес»; «О глухой*

невесте»; «О птичке, пожелавшей сравниться с орлом»; «О третьей жене»; «О горце, приехавшем в Махачкалу»; «О поэте и золотой рыбке»; «О балхарских гончарах, об их горшках и о негодных покупателях». Но в текстах заглавий – далеко не только информация, но и субъективное отношение автора к предмету притчи, его оценка этого предмета, зачастую остроумная, юмористическая, ироничная» [21]. Как видим по цитате, понятие «притча» исследователем не включено в заголовки. При этом не стоит рассуждать о том, что и как критик обращался к оригиналу, ибо в подлиннике и переводе, как отмечено выше, названия не совпадают. Очевидно, Вл. Солоухин посчитал нужным пользоваться подстрочным переводом и необходимым вносить какие-то уместные изменения с разрешения автора. При этом речь не идет о вольном переводе.

Поскольку жанр притчи как риторическое (ораторское) средство в образовании и воспитании студенческой молодежи является предметом настоящего исследования, возникает резонный вопрос о том, использовано ли сочетание «риторическое средство» в Книге. Данное словосочетание в «Моем Дагестане» не представлено. Кроме того, автор и переводчик не прибегали к слову «риторика». Что касается синонимических понятий, то слово «оратор» в переводе применяется всего 5 раз. При этом мы не ставили перед собой задачу определить, использовано ли это слово в оригинале. Понятие «красноречие» как соответствующее терминам «риторика» и «ораторское искусство» дано в переводе один раз: *«...Если и после этого болтун не остановит своего **пустого красноречия**, нужно запеть песню...»* [9, с. 99].

Нам думается, что «Мой Дагестан» как хрестоматийное произведение, которое включено в перечень «100 книг» по истории, культуре и литературе народов Российской Федерации, рекомендуемый школьникам к самостоятельному прочтению [19], служит одним из источников изучения риторики притчи, которую эллины называли параболой [22, с. 11-12]. Это наше утверждение, но мы его никому не навязываем, понимая, что, возможно, не все исследователи и поклонники гамзатовского творчества разделят наше мнение.

*«Риторика притчи - авторитарная риторика императивного, учительного, **монологизированного** слова. Притча разъединяет участников коммуникативного события на поучающего и поучаемого. Это разделение иерархично, оно не предполагает хоровой (сказание) или диалогической (анекдот) равнодостоинства сознаний, встречающихся в дискурсе»* [24]. У Р.Г. Гамзатова, по всей вероятности, мы наблюдаем учительное, монологизированное слово в качестве риторики притчи, хотя диалог – один из компонентов притчи. Поэтому позволим себе использовать данное предположение применительно к притчам в труде Р.Г. Гамзатова.

Отметим, что, по мнению В.И. Тюпы, *«Речевой акт притчевого типа есть монолог в чистом виде, императивно направленный от одного сознания к другому. Риторическими пределами притчи выступают: с одной стороны - **проповедь**, где притча нередко встречается в качестве нарративного вкрапления, с другой - **паремия**, до которой притча редуцируется в случае устранения нарративности»* [24]. В притчах в «Моем Дагестане» акцент

делается на нарративности. Что касается проповеди, она, как одна из основных источников притчи, в книге отсутствует, а поговорка не может быть отражена столь широко, как в христианских или исламских притчах, которыми в настоящее время пользуются (в дагестанском социуме сегодня очень популярны мусульманские притчи). Отсутствие в Книге притчи как проповеди, на наш взгляд, связано с тем, что художественное произведение писалось в советские времена.

В.И. Тюпа также пишет, что притча представляет собой нарратив [23]. С таким определением, очевидно, стоит согласиться, учитывая то положение, что в притче все шаги обычно даются последовательно. Все нарративы, на наш взгляд, должны быть нацелены как на образование и воспитание учащейся молодежи, так и на назидание тех, кто часто в жизни ошибается. *«Ведь ни одна притча, ни одна легенда в «Моем Дагестане» не приведена «просто так», - здесь все работает, двигая обнаженную, а часто и упрятанную вглубь мысль автора»* [1, с. 102]. Нам думается, что поэт каждую мысль в притче адресует тем, кто нуждается в помощи, кому нужен совет. Автор и в переводе выступает в роли учителя-воспитателя.

Учительное слово должно выступать как часть педагогической риторики. Не случайно в учебной литературе находим следующую мысль: *«Искусство хрии, владение которым давало большие возможности риторической импровизации, — это, по существу, искусство педагогической притчи, краткой и хорошо структурированной, а следовательно, наглядной, легко воспринимающейся и запоминающейся»* [16, с. 207]. Легко воспринимающимися и запоминающимися в студенческой аудитории должны быть притчи-нарративы из Книги. Они переведены лаконично, простым слогом, понятным дагестанской поликультурной аудитории, в основном пользующейся в устной и письменной коммуникации русским литературным языком.

В притчах в Книге часто излагается быль, реальный нарратив. При этом объективность данным рассказам, историям, случаям, легендам и т. д. придает автор или тот субъект, от имени которого излагается повествование. Это Абуталиб, отец, сам писатель и др. Вот что читаем в Книге: *«Он (Гамзат Цадаса, отец Расула Гамзатова – **вставка наша - М.В.**) любил рассказывать нам разные истории, случаи, притчи. Это была его проза»* [9, с. 94]. Мы видим, что притчи, случаи и истории – это, очевидно, одно и то же в прозе отца, что также дает нам право говорить об объективности, правдоподобию содержания притчи. И для такого произведения, естественно, характерна риторическая истина, хотя традиционно притча как выдуманная история прежде всего излагается для назидания и красноречивой убедительности.

Некоторые притчи, как отмечено выше, имеют названия, в которых или используется концепт «притча», или же дается наименование без указанного понятия, а многие притчи в книге использованы без названий. Они в основном излагаются от 1-го лица (от лица автора) или же от лица Абуталиба. О том, что притчи рассказывает Абуталиб, мы узнаем или в начале притчи, или в конце, или в процессе рассказа (обычно внутри диалогов). К примеру, эта притча без названия дана как часть диалога в первой Книге: *«Расскажу тебе притчу.*

Когда я был подростком, я пас телят. Телята у меня были смирные. Я свободно лежал на зеленой траве, на солнышке, а они паслись вокруг, и все были довольны: и я, и телята, и хозяйка моих телят. Но потом случилась беда - один бойкий теленок проведаль дорогу в овсяное поле. За ним потянулись и остальные. Моя спокойная жизнь на этом и кончилась. Не мог я отвадить телят от овса, и пришлось не отходить от них ни на шаг...» [9, с. 124-125]. Перед нами вроде ничем не примечательный текст, но важнее продолжение этой притчи: *«Так получилось и с Литфондом для наших поэтов. Жили они спокойно, писали свои книжки, пока не разнюхали про Литфонд. Не знаю, кто из них был самый первый, но теперь-то все они пасутся в Литфонде, как мои телята в овсе. Про стихи они думают меньше, чем про Литфонд...» [9, с. 125].* Существенно то, что перед нами удивительное сравнение, что характерно для притчи.

Рассказчика мы видим в начале притчи без названия: *«Абуталиб мне рассказал: жил на свете один бедняк, которому хотелось выглядеть богачом...» [9, с. 188].* При этом замечаем и наличие определенных пояснений. Так, данная речь рассказчика притчи также использована для сравнения, ибо притчу рассматривают как сравнение.

Вот пример, по которому мы узнаем повествователя после рассказывания «Притчи о двух горцах, ходивших в лес»: *«Эту притчу мне рассказал Абуталиб по случаю того, что один дагестанский поэт вернулся из далекой командировки и привез два плохих стихотворения» [9, с. 72].* Опять налицо сравнение.

О рассказчике притчи автор иногда говорит и в начале притчи, и после ее рассказывания, ср.: «Притча о балхарских гончарах, об их горшках и о негодных покупателях»:

Начало: *«Нечто похожее рассказал мне однажды и Абуталиб» [9, с. 176].*

Конец: *«Так закончил Абуталиб свой рассказ» [9, с. 177].*

Как видно по Книге, часто притчи рассказывает Абуталиб, непререкаемый авторитет для поэта при изложении народных сказаний, историй, легенд, случаев и пр., один из героев Книги.

Если говорить о тематике притч в Книге, которые могут быть использованы с целью формирования образовательной и воспитательной культуры студентов, то в первую очередь обратим внимание на содержание ряда притч. Это язык и самобытное ментальное общение в социуме, творчество и талант, художественная литература, социальные и семейные отношения, родина, история, обычаи, работа, горцы и т. д.

Как видим, тематика притч разнообразна, и она полностью раскрывает их содержание и отражает все риторические стороны рассматриваемого аспекта. Это удивительное, но объективное описание речевого поведения людей, это животные и птицы, говорящие человеческими голосами, как в баснях, это изделия, продукты, деньги, населенные пункты и пр.

Поговорим и об объеме рассматриваемого жанра. В специальной литературе притчей называют небольшой рассказ, который содержит моральное или религиозное поучение в иносказательной, аллегорической

форме [20, с. 181]. В классической риторике *«Притчами называются краткие вымышленные повествования, имеющие в себе нравоучение, кратко и ясно изображенное»* [13, с. 361]. В Книге как притчи даны не только вымышленные повествования, но и реальные истории, и не все притчи в Книге короткие.

Притчей в настоящее время считают и пословицу, и поговорку, и загадку, и анекдот, и роман, и повесть, и стихотворное произведение, и большую поэму, и пр., т. е. в роли притчи может выступать любое по объему произведение. Поэтому объем современных нетрадиционных притч тоже бывает разный. В Книге притча о лисе – это несколько предложений, которые использованы для сравнения: *«Бежит лиса по ущелью и видит, что на дороге валяется жирный курдюк. Подбежать бы и съесть. "Нет, - решает лиса. - Ни с того ни с сего курдюк на дороге валяться не будет. Что-то за этим кроется"»* [9, с. 244].

Чуть больше предложений в следующем случае (в рассказе):

«Горец решил вспахать свое поле. Оно было далековато от аула, и он отправился туда с вечера, чтобы рано на рассвете взяться за работу. Пришел горец на место, расстелил бурку и лег спать. Утром встает, надо бы пахать, а поля нет. Туда-сюда, а поля нет как нет. Аллах ли его отнял, чтобы наказать горца за грехи, сатана ли спрятал, чтобы поглумиться над честным человеком.

Делать нечего. Погоревал горец и решил идти домой. Поднял бурку с земли, и - господи! - да вот же оно, его поле, под буркой!» [9, с. 244]. При переходе к другой мысли мы обнаруживаем, что это притча: *««Расскажу и еще один случай, только уж не притчу, а быль»* [там же]. Кстати, данное высказывание мы уже употребляем в статье в третий раз. Правда, в оригинале вместо этого предложения написано: **«Гьелда бан гьанжесиб мехаль ккараб цо иш бицинин»** [28, с. 251], что буквально означает: *«В связи с этим расскажу случай, который произошел недавно»*. Переводчик, возможно, сознательно дополнил предложение словами «притча» и «быль». Он, очевидно, нам подсказал, что фактически в подлиннике понятия «быль», «случай», «история», «рассказ», «притча» и др. синонимичны. Словом, в художественном тексте не должно быть разграничений в определении значений этих слов.

Если говорить об объеме малого жанра, то, естественно, автор выступает в роли новатора, нарушая общепринятые требования к оформлению притчи. У поэта свой подход даже к тому, насколько большой по объему должна быть притча. «Притча об Абуталибе и Хатимат» [9, с. 158-160] и «Притча о Шангрее, его сыне и пяти рублях» [9, с. 174-175] - это относительно большие притчи-рассказы. Так называемая притча «Пусть будет старая, но талантливая» также объемна по содержанию [9, с. 152-156].

Любая удачно подобранная притча делает речь выразительной и является уникальным средством воспитания конкретного лица или группы лиц. Ведь, по мнению С.С. Аверинцева, притча является дидактико-аллегорическим жанром, близким басне [3, с. 20]. В литературе отмечено: *«В притче всегда заключена определенная дидактическая идея. Притча широко применяется в Евангелии, в аллегорической форме выражая духовные наставления... »* [20, с. 181]. Если Л.Е. Тумина притчу считает устным жанром [22, с. 98], то И.Ю. Чистякова ее

дает как письменный жанр духовной словесности [26, с. 481], что, естественно, подразумевает принадлежность рассматриваемого понятия риторике и подчеркивает его непосредственную связь с религией, чего, кстати, нет в «Моем Дагестане». Н.Ю. Русова притчу рассматривает как эпический жанр литературы [20, с. 181]. По нашему мнению, в Книге Р.Г. Гамзатова представлена серия притч, в которых наличествуют особенности эпического жанра (сюжет, время, пространство и пр.).

В притчах важен намек, что обнаружено К.И. Абуковым, который находит в речах старого Абуталиба *«брызжащие смехом притчи, сказанные нередко со скрытым намеком»* [1, с. 99]. Но в Книге в основном сразу после содержания того или иного рассказа-притчи дается конкретный комментарий как назидание, как урок, как определенный вывод, и мы не всегда замечаем намека, иносказания, а видим как бы результат, ибо автор прямым текстом говорит о том, каковы последствия того или иного действия героя или персонажа. Так, в **«Притче о горце, приехавшем в Махачкалу»** мы находим вывод: *«Итак, быка узнают не в начале пашни, а в конце, не по тому, как он брыкается на лугу, а по тому, как он ходит в ярме. Не тогда говорят о коне, когда на него садятся, а когда с него слезают»* [9, с. 145]. А после изложения **«Притчи о поэте и золотой рыбке»** даны три абзаца из 2 и 4 предложений, в которых мы видим мнение автора о таланте и последствия, произошедшие с поэтом, героем притчи, в связи с высказыванием золотой рыбки о ее бессилии по поводу поэтического таланта:

«Итак, талант либо есть, либо нет. Его никто не может дать и никто не может отнять. Талантливым нужно родиться.»

Поэт наш, всячески облагодетельствованный золотой рыбкой, вскоре почувствовал себя вороной, наряженной в павлиньи перья. Вся радужная красота искусственного оперенья вскоре отпала, да к тому же за эти годы и собственные перья частично повypали, и стал поэт хуже, чем был.

Молитва от повторения не портится, повторяю и я еще раз. Чтобы писать, нужен талант, а где же его возьмешь, если его нет даже у золотой рыбки» [9, с. 148].

Интересен мотив использования той или иной притчи, истории, рассказа в Книге. Применение притчи на занятиях по риторике связано с аксиологической ценностью данного жанра. Не случайно мы к практическому занятию по риторике готовим вопросы:

Найдите притчи в книге Р.Г. Гамзатова «Мой Дагестан».

Чему они посвящены?

Какова национальная специфика использованных в книге притч?

Актуальны ли темы гамзатовских притч в современном Дагестане? [8, с. 105].

Опишите одну из притч.

Подберите любую притчу из Книги для выразительного чтения [7, с. 33].

Такие задания способствуют формированию и развитию определенных речевых качеств и нарративного мышления у студентов, помогают повышению уровня профессионального речевого мастерства. А это действительно значимо.

Аксиологическая ценность притчи связана и с тем, что она нацелена на воспитание человека конкретными средствами: мотивом рассказывания, силой слова, антитезой, сравнением, историей, намеком, случаем и т. д. Ведь притча несет добро, и она признается за произведение высокого искусства [22, с. 15]. У Р.Г. Гамзатова в переводной притче мы замечаем обычные высказывания, которые имеют глубокий смысл. Кстати, отмечено, что книга написана высоким стилем [15, с. 80], хотя невооруженным глазом заметно, что у поэта свой индивидуальный стиль, который в притчах в Книге, очевидно, ближе к нейтральному, потому что рассказ ведется в основном посредством общенародной, нейтральной лексики, иногда местами переходящей в разговорную или высокую лексику. В энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» о паремии, которая в переводе с греческого языка означает поговорка, пословица, притча, написано, что паремии стилистически снижены и используются обычно в художественной речи *«как в речи персонажей, так и в авторской речи»* [12, с. 449].

Притча обычно не только предваряет наше выступление и является связующим звеном одной мысли с другой в речевом поведении или физическом поступке героя, но и выступает в качестве доказательства, уточняет, конкретизирует определенное высказывание или действие. Как пишет Л.Е. Тумина, притча выступает как одно из средств аргументации [22, с. 16]. Она также отмечает, что упражнения имели целью подготовить ученика к использованию притчи как одного из приемов убеждения в публичной речи [22, с. 124]. Аналогична позиция притчи и в гамзатовской Книге, в которой данный жанр часто выступает в роли ценностного аргумента. Это важно, если молодой человек собирается защищать, отстаивать свои или коллективные интересы.

Отметим, что притча – это средство речевой выразительности, которое нацелено на усиление значимости передаваемого сообщения и на результативность вербального изложения рассматриваемой информации. Являясь одним из способов убеждения собеседника или оппонента, это средство украшает по-своему любую риторическую речь, будь эта речь публичной или приватной [7, с. 30].

Использование притчи как речевого жанра делает ораторское выступление более ярким, образным, поучительным. Данный жанр легко запоминается и прочно держится в памяти, он в равной степени способен воздействовать и на ум, и на чувства слушателей. Его можно применять в качестве аргумента в беседе, споре, дискуссии и т. д. [22, с. 7].

В книге дана поэзия, использована лирика. При этом в стихотворных текстах имеют место и поэтические истории, в которых героями выступают как люди, так и животные и птицы. К примеру, во второй Книге дана сказка о том, как лиса угрожала птице, у которой на дереве крепкое гнездо и которая вынуждена была отдать пару птенцов хитрому зверю [9, с. 362-363]. Это вроде

басни, а басня близка к притче, иногда выполняет роль притчи. Очевидно, данные поэтические истории-сказки также следует рассматривать как притчи. Автор, естественно, писал и поэтические притчевые истории. Так, определенный интерес в студенческой аудитории вызывают стихотворные произведения поэта: притча «Пусть всем наукой будет» [10], «Притча» [11, с. 145-146] и др. В Книге же не указано наличие таких притч, но мы подчеркиваем их присутствие в тексте. И нам думается, что в частных, личных беседах преподавателя со студентами, взрослых с подростками и т. д. не обязательно обращение к поэтической притче. Она скорее уместна в подготовленной или неподготовленной речи перед большой аудиторией [7, с. 32]. В «Моем Дагестане» в основном представлены прозаические притчи. Поэтому мы прежде всего говорим о прозаической переводной притче.

На наш взгляд, сам автор Книги указывает, что похожие притчи-нарративы имеют место и в других культурах: *«Бедна и мала земля горцев. Об этом есть и рассказ, может быть, уже слышанный не однажды, потому что давно он гуляет по свету с одного языка на другой язык, с одной плоской крыши на другую плоскую крышу. Но не могу не рассказать его и я. Пусть ругают меня, кто слышал...»* [9, с. 242-243]. Речь идет о притче, в которой горец ищет свое маленькое поле [9, с. 243].

Дадим другой пример:

«Абуталиб мне рассказал: жил на свете один бедняк, которому хотелось выглядеть богачом. Каждый день он приходил на годекан довольный, улыбающийся, а его усы блестели от жира, словно он только сейчас ел молодого, нежного барашка. Бедняк хвастался вслух:

- Ух, какого жирного ягненка я зарезал сегодня на обед! Какое у него нежное, сладкое мясо!

- Откуда он берет каждый день по ягненку? - удивлялись жители аула.

Надо проверить.

Ловкие парни забрались на крышу и через широкий дымоход заглянули в саклю. Они увидели, как бедняк вскипятил старую заваливающуюся кость, собрал сверху немного костного жира и этим жиром намазал себе усы. Потом он съел немного тмина - все, что у него было в доме съедобного.

Парни быстро спустились с крыши и зашли в саклю.

- Салам алейкум! Шли-шли и решили зайти в гости к богатому человеку.

- Немного опоздали, только сейчас пообедал жирным барашком. Собрался теперь выйти из дома.

- Ты лучше расскажи, где ты собираешь такой душистый, вкусный тмин?

Бедняк понял, что парни все знают, и повесил голову. С тех пор его усы ни разу не блестели от жира» [9, с. 188-189].

В Дагестане среди взрослого населения популярна восточная сказка-анекдот или притча-анекдот такого содержания о похождениях Моллы Насреддина.

Не менее интересна и значима **«Притча о птичке, пожелавшей сравниться с орлом»**: *«Отара овец спускалась с гор в долину. Неожиданно с неба налетел орел, схватил и утащил ягненка. Все это видела маленькая*

птичка. Она решила: а почему бы и мне не поступить, как орлу. Да и что ягненок, унесу-ка я целого барана. Птичка взлетела повыше, сложила крылышки и бросилась вниз. Но дело кончилось тем, что она ударилась о бараний рог и убилась насмерть.

- Тоже и муха однажды хотела перекатить камень, - сказал чабан, держа на ладони мертвую птичку.

Так птичка, пожелавшая сравниться с орлом, добилась того, что ее сравнили с мухой» [9, с. 87].

Эта притча в европейской литературе излагается по-другому (и с другим названием), ср. притчу Эзопа **«Орел, галка и пастух»**:

«Орел слетел с высокой скалы и унес из стада ягненка; а галка, увидя это, позавидовала и захотела сделать то же самое. И вот с громким криком бросилась она на барана. Но, запутавшись когтями в руне, не могла она больше подняться и только била крыльями, пока пастух, догадавшись, в чем дело, не подбежал и не схватил ее. Он подрезал ей крылья, а вечером отнес своим детям. Дети стали спрашивать, что это за птица? А он ответил: Я-то наверное знаю, что это галка, а вот ей самой кажется, будто она – орел.

Соперничество с людьми вышестоящими ни к чему не приводит и неудачами только вызывает смех» [27].

Данная притча-басня, сочиненная Эзопом в VI веке до н. э., возможно, претерпела изменения. В ней использовано сравнение, которое иначе называется фигуральной аналогией [17, с. 237] и которое обычно наличествует в традиционной притче как метафора или как сопоставление.

К.И. Абуков пишет о том, что притча о золотой рыбке общеизвестна: *«Не случайно глава «Талант» открывается горским вариантом общеизвестной сказки о золотой рыбке. Кстати, эта же притча использована и в «Поэте» Э. Кадиева, но там к рыбке обращается старец Сулейман, и просьба его – одарить промчавшей молодостью» [1, с. 86].* Вспомним «Сказку о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина.

Рассказ-монолог как часть диалога о птице в клетке (о родине птицы) в рубрике «Из записной книжки» [9, с. 52-53] также следует рассматривать как притчу, варианты которой используют в разных культурах.

Очевидно, можно было презентовать как притчи и другие запоминающиеся истории, случаи, легенды, предания, рассказы из Книги «Мой Дагестан», на которые мы в статье не ссылались. *«Притча представляет собой жанровую форму, имеющую большое количество жанровых разновидностей: притча-басня, притча-загадка, притча-пословица и т. д.» [22, с. 30].* Таких разновидностей в Книге множество. Учитывая содержание Книги и наличие в ней большого количества легендарных историй, сходных с притчами, позволим себе выделить и притчу-легенду в дагестанской культуре [7, с. 32].

В отличие от однозначного истолкования аллегорических образов басни, для образов притч характерна многозначность истолкований. Поэтому образы притчи скорее всего можно назвать образами-символами, чем образами-аллегориями [22, с. 51]. К.И. Абуков пишет о многозначительности притчи о

единственном поэте [1, с. 88]. На наш взгляд, многозначительна притча-легенда о родине птицы, которую с ностальгией излагает художник в беседе с поэтом:

«- Птицу поймали и посадили в клетку. Оказавшись в плену, птица день и ночь твердила: родина, родина, родина, родина, родина... Точь-в-точь, как все эти годы твержу я... Хозяин птицы подумал: "Что же у нее за родина, где она? Наверное, это какая-нибудь прекрасная цветущая страна, где райские деревья и райские птицы. Дай-ка выпущу я птицу на волю и погляжу, куда она полетит. Она мне покажет дорогу в ту необыкновенную страну". Он открыл клетку, и птица выпорхнула. Она отлетела на десять шагов и опустилась на куст терновника, растущий среди голых камней. В ветвях этого куста было ее гнездо...» [9, с. 52-53].

По-разному можно понять содержание большинства притч в Книге, что зависит от мировосприятия читающего или исследующего.

Диалогичность является важным жанрообразующим признаком притчи [22, с. 47]. Приведем несколько примеров из Книги:

Притча о поэте и золотой рыбке:

«- Поэт, поэт, отпусти меня в море, - взмолилась золотая рыбка.

- А что ты мне за это дашь?

- Все твои тайные желания будут исполняться...» [9, с. 148].

Или:

«- Рыбка, рыбка, дай хоть немного таланта. Отвечала золотая рыбка:

- Все я тебе дала, что ты сам пожелал. Все и впредь я могу тебе дать, что пожелаешь. А вот таланта дать не могу. У меня у самой его нет, поэтического таланта» [9, с. 148].

Притча об Абуталибе и Хатимат:

«Однажды, когда знаменитый поэт Абуталиб шел через базар, его окликнули:

- Эй, Абуталиб, не починишь ли кувшин? Поэт оглянулся и видит Хатимат, старую, сгорбленную, больную.

- Наверно, ты зазнался, Абуталиб. Еще бы! И депутат, и орден на груди. Видно, забыл ты свою лудильную мастерскую. А ведь если разобраться, то я, Абуталиб, сделала тебя поэтом. Не принеси я тогда чинить кувшин, так бы и сидел ты до сих пор лудильщиком на базаре.

- Если на самом деле столь велика твоя власть, о Хатимат, если на самом деле ты умеешь делать из людей поэтов, то почему же ты не сделала поэтом своего первого мужа - Гаджи? Да и песен твоего второго мужа Мусы пока не слышно...» [9, с. 159-160].

Диалогизация речи – одна из особенности гамзатовской притчи. Почти во всех притчах в Книге использованы диалоги.

Важным свойством притчи в Книге является и уместное использование средств речевой выразительности – риторических тропов и стилистических фигур.

В притчах в Книге представлены метафора и ее разновидности. Так, в качестве примера даем «Притчу о птичке, пожелавшей сравниться с орлом» [9, с. 87] или же притчу-легенду о родине птицы [9, с. 52-53]. При этом часто в переводе используется метафорический эпитет, ср.: *сладкое мясо* в притче о бедняке, которому хотелось выглядеть богачом (без названия) [9, с. 188], *гордый призовой платок* в «Притче о балхарце и о его кляче» [9, с.40] и др.

В притчах находим элемент градации, усиления и даже гиперболизации:

«Он рос не по дням, а по часам и вскоре превратился в стройного здорового молодца» (Притча о богатом хане, о его сыне и о хинкалах из курдюка с чесноком) [9, с. 214].

«Поэт оглянулся и видит Хатимат, старую, сгорбленную, больную» (Притча об Абуталибе и Хатимат) [9, с. 159] и др.

Автор притчу дает как сравнение (см. примеры выше), и в текстах он часто прибегает к использованию в притчах сравнений и сравнительных оборотов:

«И заныло тогда его сердце, будто кто нанес ему глубокую рану» (Притча о богаче – без названия) [9, с. 273].

«Как вихрь, понеслись горячие кони» (Притча о балхарце и о его кляче притча о балхарце) [9, с. 40].

«Он пожирал хинкалы, как оголодавший лев» (Притча о богатом хане, о его сыне и о хинкалах из курдюка с чесноком) [9, с. 214].

«Поэта словно осенило, словно он понял, что ему не хватало все эти годы» (Притча о поэте и золотой рыбке) [9, с. 148] и др.

Особенно важным, на наш взгляд, является риторический повтор в тексте, который способствует запоминанию. А это дает человеку возможность реализовывать на практике полученные знания.

В притчах часто используется анафорический повтор. Единичные встречается в начале предложений, строк, словосочетаний, частей предложения во всех притчах. Так, в «Притче о тропе моего отца» находим личное местоимение как анафору: «Он ее наметил, он ее проторил, он ходил по ней каждое утро и каждый вечер» [9, с. 25].

Анафора в диалоге представлена в «Притче о балхарце и о его кляче»:

«- Давай присоединяйся к нам!

- Давай мы и твою клячу запишем в скакуны.

- Почему бы и ей не потягаться с нашими скакунами?

- Давай скачи вместе с нами, а то некому будет подбирать за нами подковы» [9, с. 39].

Существенно использование повторов в параллелизме, ср.:

«Горячие джигиты съехали сюда на своих еще более горячих конях. И джигиты были прославлены, и кони были прославлены. Джигиты были стройны и красивы, а их кони еще стройнее и красивее. Глаза у джигитов горели отвагой и азартом, глаза у коней горели огнем нетерпения» (Притча о балхарце и о его кляче) [9, с. 39].

Элемент параллелизма, по нашему мнению, представлен как вывод в речи Абуталиба в «Притче о двух горцах, ходивших в лес» [9, с. 72], в выводе к «Притче о глухой невесте» [9, с. 73] и пр.

Важны и ряды однородных членов с целью усиления сообщаемой информации, ср.:

«Зимой и справа и слева от тропы он лепил из свежего снега маленькие скульптурки людей, лошадей, всадников» (Притча о моем отце) [9, с. 24].

«Они увидели, как бедняк вскипятил старую завалившуюся кость, собрал сверху немного костного жира и этим жиром намазал себе усы» (Притче о бедняке, которому хотелось выглядеть богачом - без названия) [9, с. 188] и др.

В притчах, естественно, применена и антитеза, которая является одной из особенностей данного малого жанра, ср.:

«Из нашего маленького аула Цада в большой аул Хунзах есть дорога, по которой ездят автомобили» (Притча о моем отце) [9, с. 24].

«Невеста хохотала в минуты печали и задумчивой тишины и горестно стонала и вздыхала, когда всем было весело» (Притча о глухой невесте) [9, с. 73] и др.

В сериях притч использованы фактически все риторические тропы и стилистические фигуры, а также необходимые ресурсы, которые придают указанному жанру своеобразие, яркость, образность и выразительность. К примеру, в притчах находим характерные для региона интернациональные слова и местные имена и названия, ср.: Аллах, Шамиль, Абуталиб, Патимат, Балхар, отец, хинкалы (в том числе разные формы от существительного «хинкал»), курдюк, салам алейкум, хан и др. Сохранение национальной специфики и местного колорита в переводной притче делает ее (притчу) уникальной, не похожей на притчи в других культурах.

Притчи удачно вклиниваются в текст Книги и становятся составной ее частью. К примеру, *«Кто же даст писателю тему? Легче дать ему голову, глаза, уши, сердце. Писатели, которые ищут тему не по любви или ненависти, но по запаху, а еще точнее, по нюху, не могут сделаться сыновьями своего времени. Они дети не времени, а дня. А еще они похожи на глухую невесту»* [9, с. 72]. Далее дается содержание **«Притчи о глухой невесте»**: *«Жила, как говорят, в одном ауле глухая девушка. Жених из другого аула, ничего не зная о ее глухоте, прислал сватов. Дело сладилось, началась свадьба. Народу собралось видимо-невидимо. Невесте не хотелось, чтобы все пришедшие на свадьбу узнали о глухоте. Она попросила свою подругу, чтобы та все время сидела с ней рядом. И если будут рассказывать веселое, такое, чтобы смеяться, то подруга должна была ущипнуть ее за левое плечо. Если начнется печальный, грустный рассказ, то подруга щипала справа...»* [9, с. 72].

И конец притчи: *«Жених начал приглядываться к невесте, пригляделся и решил, что она совсем глупа. И тотчас отправил ее по той дороге, по которой она приехала»* [9, с. 73].

Переход к новой мысли: *«Итак, настоящий писатель не должен нуждаться в щипках то справа, то слева, подобно глухой невесте...»* [9, с. 73]. Перед нами обрамление.

Притча может быть обрамлена и по-другому. Так, притча о лисе как бы находится внутри рассказываемой были и является ее важнейшей частью.

*«Когда горцам говорили, что колхозу дадут машины, они тут же качали головами, вспоминая притчу о лисе. (Автор дает содержание притчи, после этого продолжается повествование – **вставка наша – М.В.**)... Говорили горцам и о том, что будут предоставлены колхозу обширные пастбища внизу, на равнине...» [9, с. 244].*

Притча в данном случае обрамлена некоей историей, и притча и история (быль) по содержанию взаимосвязаны. При этом обратим внимание на одну особенность классической притчи – в ней обычно отсутствует начало. В гамзатовских притчах наличествуют предваряющее начало и концовка с определенным выводом. Кстати, иногда указывается, что перед нами поучение, ср.: в «Притче о двух горцах, ходивших в лес» дано пояснение:

*«- Песне, которой не научился в родном доме, не научишься вдалеке от родного дома, - заключил старый поэт свое **поучение**, а потом добавил: Поэты иногда подобны горцу, который целый день искал папаху, в то время как она спокойно пребывала на его дурной голове» [9, с. 72].*

Обрамлены также «Притча о единственном поэте» [9, с. 186-187], «Притча о балхарских гончарах, об их горшках и о негодных покупателях» [9, с. 176-177], «Притча о Шангрее, его сыне и пяти рублях» [9, с. 174-175], притча-легенда о родине птицы [9, с. 52-53] и др., что является еще одной особенностью гамзатовской притчи в Книге.

Важно отметить, что автор свою первую Книгу завершает притчей с комментариями, которая, очевидно, дана как вывод, а вторая Книга насыщена различными повествованиями: *«Вторая книга от первой отличается несколько иным характером изложения – здесь преобладает повествование, рассказ о сокровенном – “маленькой, простой и гордой стране”» [2, с. 417.].* Эта цитата, которую мы берем из источника, опубликованного в 1975 году, в настоящее время не утратила своей актуальности, но существенным является то, что повествование или рассказ в Книге можно назвать притчей, учитывая специфические особенности в исследуемом нами малом жанре в труде великого поэта. И как мы уже поняли, одной из характерных особенностей книги является частое обращение к притчевым историям. Ярче всего, как подчеркнуто выше, формально это проявляется в первой Книге. Констатируем, что и вторая Книга изобилует притчевыми историями, хотя в ней только три раза (см. выше) упомянут рассматриваемый концепт.

Интересна структурная подача притч в Книге. В ней часто одна притча следует за другой. Такая лесенка притч усиливает значимость сообщаемых материалов. Так, в главе «Талант» с самого начала повествования последовательно даны притчи с пояснениями: «Притча о поэте и золотой рыбке» [9, с. 148], «Мой отец рассказал: один горец из далекого аула пришел к отцу и стал читать свои стихи» (рассказ-притча без наименования) [9, с. 149], «Как я потерял кунака» [9, с. 150-151], «Пусть будет старая, но талантливая» [9, с. 152-156], «Я скажу Изе» [9, с. 156-157], «Чью фотографию помещать?» [9, с. 157-158], «Притча об Абуталибе и Хатимат» [с. 158-159]. Из данного ряда два

рассказа с заголовками притчами назвал К.И. Абуков (см. выше), а два рассказа с заголовками и один без заголовка мы рассматриваем как притчи, акцентируя внимание на их поучительном содержании.

Предлагаем еще один пример: автор дает фрагмент, который в оригинале звучит как «**Рак** **Галде швейлдасан**» (Из воспоминаний) [28, с. 174], а в переводе - «Из записной книжки» [9, с. 175]. Поскольку записи из блокнота часто Вл. Солоухиным, очевидно, рассматривались как притчи, мы склонны считать притчей материал «Из записной книжки», учитывая содержание и особенности такого малого жанра. После этой так нами называемой притчи следует уже знакомая нам «Притча о Шангрее, его сыне и пяти рублях» [9, с. 174-175], а за ней – «Притча о балхарских гончарах, об их горшках и о негодных покупателях» [9, с.176-177] и т. д.

Подчеркнем, что Л.Е. Тумина пишет: *«Современный студент-гуманитарий, к сожалению, плохо знаком с притчей как речевым жанром, его особенностями; не умеет рассказать притчу в той или иной ситуации, т. е. не использует всех возможностей притчи, которые так творчески использовались древними риториками»* [22, с. 7]. Это касается и дагестанских студентов. Такова ситуация по поводу знания притчи бакалаврами во многих регионах по результатам нашего письменного опроса. Только единицы из них прибегают к притчам во время публичных устных выступлений или при написании сочинений. Наша задача – способствовать тому, чтобы учащиеся молодые люди (бакалавры и магистранты) регулярно обращались к притчевым поучительным историям, если хотят результативно выступать, креативно говорить, используя свои речевые качества и обогащая коммуникативные средства. При этом отметим, что притча как жанр в настоящее время должна быть востребована в студенческом образовательном пространстве, ибо она действительно является школой красноречия и имеет воспитательное значение.

Обращение к данному понятию украшает любое выступление. Поэтому, учитывая содержание и актуальность, своеобразие и аксиологическую ценность разнообразных притч в Книге, само произведение «Мой Дагестан» можно назвать притчей притч и образцом для руководства по красноречию в дагестанской студенческой аудитории, настольной книгой по риторике, наряду с классическими работами по ораторскому искусству. Ведь притча как риторическое средство всегда предполагает поучение, необходимое для образовательного пространства. При уместном использовании особенно это важно в условиях дагестанского полиязычия.

Гамзатовские поучительные риторические притчи из Книги должны в будущем быть включены в студенческое портфолио, ибо этот дидактический жанр действительно востребован в социуме и результативен как при получении образования бакалавром или магистрантом, так и при риторическом воспитании подрастающего поколения.

Таким образом, мы описали жанровую специфику переводной притчи в Книге Р.Г. Гамзатова «Мой Дагестан» как эффективное средство ораторского искусства, которое призвано формировать у студентов необходимые речевые

навыки. Притча очень важна для выработки коммуникативных умений, для публичного проявления молодым человеком риторической грамотности. Следует учитывать и то, что в дагестанском обществе часто прибегают к притчам: уместно их применение на свадьбах, мавлидах, торжествах, да и во время доверительных бесед. Искусство рассказывания притчи ценится высоко, потому что это поучительно. Удачно подобранная притча украшает любое воспитательное мероприятие так же, как обращение к книге Р.Г. Гамзатова «Мой Дагестан» во время публичных выступлений. И многолетний опыт преподавания в вузе и общения с учащимися высшей школы нам подсказывает, что коммуникация бывает успешной и результативной при апелляции к притчевым историям из гамзатовской Книги. Такие нарративы украшают любые устные выступления перед публикой и материалы в периодической печати, а также private и учебно-воспитательные беседы с учащейся молодежью.

Литература

1. *Абуков К.И.* Проза поэта // Абуков К.И. У костра, зажженного Горьким. К проблеме новаторства и стилевого многообразия дагестанской прозы. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1972.
2. *Абуков К.И.* Раздумья на берегу реки. О прозе Р. Гамзатова // Гамзатов Р.Г. Мой Дагестан. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1975.
3. *Аверинцев С.С.* Притча // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1964.
4. *Ваджибов М.Д.* Книга Р.Г. Гамзатова «Мой Дагестан» как риторический воспитатель современного дагестанского студента (к 90-летию со дня рождения поэта) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Журнал теоретических и прикладных исследований. Кемерово: КемГУКИ. - 25/2013.
5. *Ваджибов М.Д.* О риторическом воспитании дагестанской студенческой поликультурной аудитории через художественную литературу // Наука. Мысль. 2016. № 6-1.
6. *Ваджибов М.Д.* Патриотическое воспитание студенческой молодежи на занятиях по риторике через книгу Р.Г. Гамзатова «Мой Дагестан» (К 90-летию со дня рождения поэта) // Наука. Мысль. 2016. № 6-1.
7. *Ваджибов М.Д.* Применение притчи на занятиях по риторике в дагестанской студенческой аудитории // Дидактическая филология. 2016. № 4.
8. *Ваджибов М.Д.* Риторика: учебное пособие для студентов-бакалавров гуманитарных специальностей. 3-е изд., перераб. и доп. Махачкала: Издательство ДГУ, 2016.
9. *Гамзатов Р.Г.* Мой Дагестан. Конституция горца. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2002.
10. *Гамзатов Р.Г.* Пусть всем наукой будет. URL: <http://www.gamzatov.ru/stih/stihbook27.htm> (Дата обращения: 25.09.2017).

11. *Гамзатов Р.Г.* Суд идет.: Стихотворения. Сказания. Поэмы. / Пер. с авар. Махачкала: Издательство «Юпитер», 2003.

12. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. *Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева* и др. М.: Флинта: Наука, 2003.

13. *Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обою красного речия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки // Полное собрание сочинений. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. Т. 7. Труды по филологии.

14. *Магомедова З.К.* Новаторские тенденции в публицистике Р. Гамзатова (на материале книги «Мой Дагестан») // Вестник Дагестанского научного центра. 2009. № 34.

15. *Магомедова Х.И.* Жанровое своеобразие книги Р. Гамзатова «Мой Дагестан» // Гуманитарные исследования. 2010. № 2.

16. *Михальская А.К.* Педагогическая риторика: история и теория: Учебное пособие для студентов педагогических университетов и институтов. М.: Издательский центр «Академия», 1998.

17. *Москвин В.П.* Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д.: Феникс, 2008.

18. *Мухамедова Ф.Х.* Международная научная конференция «Расул Гамзатов и мировая художественная система», посвященная 90-летию со дня рождения Народного поэта Дагестана // Вестник Дагестанского научного центра. 2013. № 51.

19. Перечень «100 книг» по истории, культуре и литературе народов Российской Федерации, рекомендуемый школьникам к самостоятельному прочтению. URL: http://vk.com/doc12086328_150378555?hash=d872013c67290c13ff&dl=c3c0f65070078746c9 (Дата обращения: 21.09.2017).

20. *Русова Н.Ю.* От аллегории до ямба: терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. М.: Флинта; Наука, 2004.

21. *Степанова Т.М.* Фольклорные элементы художественной структуры диалогии Р. Гамзатова «Мой Дагестан» в контексте интеллектуальной прозы Северного Кавказа. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2012.1/1647/stepanova2012_1.pdf (Дата обращения: 17.08.2017).

22. *Тумина Л.Е.* Притча как школа красноречия: Учебное пособие. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

23. *Тюпа В.И.* Нарративная стратегия притчи в литературной традиции. URL: http://www.philology.nsc.ru/elib/data/Pritcha_2014/05.Tupa.pdf (Дата обращения: 15.08.2017).

24. *Тюпа В.И.* Три стратегии нарративного дискурса. URL: http://www.nsu.ru/education/virtual/discourse34_15.htm (Дата обращения: 15.08.2017).

25. *Черкесова П.С.* К вопросу о передаче национального колорита в художественном переводе книги Р. Гамзатова «Мой Дагестан» // Литературное обозрение: история и современность. 2012. № 2. С. 215-219.

26. *Чистякова И.Ю.* О жанрах русской словесности // Риторика и культура речи: наука, образование, практика: материалы XIV Международной научной конференции (1-3 февраля 2010 г.) / под ред. Г.Г. Глинина. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2010.

27. Эзон. Орел, галка и пастух. URL: http://www.epwr.ru/quotation/txt_396_7.php (Дата обращения: 04.09.2017).

28. *Хамзатов Р.* Дир Дагъистан. Махачкала: ГУ «Дагестанское книжное издательство», 2008.

References

1. *Abukov K.I.* Proza poehta // Abukov K.I. U kostra, zazhzhennogo Gor'kim. K probleme novatorstva i stilevogo mnogoobraziya dagestanskoj prozy. Mahachkala: Dagknigoizdat, 1972.

2. *Abukov K.I.* Razdum'ya na beregu reki. O proze R. Gamzatova // Gamzatov R.G. Moj Dagestan. Mahachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975.

3. *Averincev S.S.* Pritcha // Kratkaya literaturnaya ehnciklopediya. T. 6. M., 1964.

4. *Vadzhibov M.D.* Kniga R.G. Gamzatova «Moj Dagestan» kak ritoricheskij vospitatel' sovremennogo dagestanskogo studenta (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya poehta) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. Zhurnal teoreticheskikh i prikladnyh issledovanij. Kemerovo: KemGUKI. - 25/2013.

5. *Vadzhibov M.D.* O ritoricheskom vospitanii dagestanskoj studencheskoj polikul'turnoj auditorii cherez hudozhestvennyuyu literaturu // Nauka. Mysl'. 2016. № 6-1.

6. *Vadzhibov M.D.* Patrioticheskoe vospitanie studencheskoj molodèzhi na zanyatijah po ritorike cherez knigu R.G. Gamzatova «Moj Dagestan» (K 90-letiyu so dnya rozhdeniya poehta) // Nauka. Mysl'. 2016. № 6-1.

7. *Vadzhibov M.D.* Primenenie pritchi na zanyatijah po ritorike v dagestanskoj studencheskoj auditorii // Didakticheskaya filologiya. 2016. № 4.

8. *Vadzhibov M.D.* Ritorika: uchebnoe posobie dlya studentov-bakalavrov gumanitarnyh special'nostej. 3-e izd., pererab. i dop. Mahachkala: Izdatel'stvo DGU, 2016.

9. *Gamzatov R.G.* Moj Dagestan. Konstituciya gorca. Mahachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002.

10. *Gamzatov R.G.* Pust' vsem naukoj budet. URL: <http://www.gamzatov.ru/stih/stihbook27.htm> (Data obrashcheniya: 25.09.2017).

11. *Gamzatov R.G.* Sud idet.: Stihotvoreniya. Skazaniya. Poehmy. / Per. s avar. Mahachkala: Izdatel'stvo «YUpiter», 2003.

12. Kul'tura russkoj rechi: Ehnciklopedicheskij slovar'-spravochnik / Pod red. L.Yu. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. Shiryayeva i dr. M.: Flinta: Nauka, 2003.

13. *Lomonosov M.V.* Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiyu. Kniga pervaya, v kotoroj sodержitsya ritorika, pokazuyushchaya obshchie pravila oboego krasnorechiya, to est' oratorii i poehzii, sochinennaya v pol'zu lyubyashchih slovesnye nauki // Polnoe sobranie sochinenij. M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952. T. 7. Trudy po filologii.

14. *Magomedova Z.K.* Novatorskie tendencii v publicistike R. Gamzatova (na materiale knigi «Moj Dagestan») // Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra. 2009. № 34.

15. *Magomedova H.I.* Zhanrovoe svoeobrazie knigi R. Gamzatova «Moj Dagestan» // Gumanitarnye issledovaniya. 2010. № 2.

16. *Mihal'skaya A.K.* Pedagogicheskaya ritorika: istoriya i teoriya: Uchebnoe posobie dlya studentov pedagogicheskikh universitetov i institutov. M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 1998.

17. *Moskvin V.P.* Argumentativnaya ritorika: teoreticheskij kurs dlya filologov. 2-e izd., pererab. i dop. Rostov n/D.: Feniks, 2008.

18. *Muhamedova F.H.* Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya «Rasul Gamzatov i mirovaya hudozhestvennaya sistema», posvyashchennaya 90-letiyu so dnya rozhdeniya Narodnogo poehtha Dagestana // Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra. 2013. № 51.

19. Perechen' «100 knig» po istorii, kul'ture i literature narodov Rossijskoj Federacii, rekomenduemyj shkol'nikam k samostoyatel'nomu prochteniyu. URL: http://vk.com/doc12086328_150378555?hash=d872013c67290c13ff&dl=c3c0f65070078746c9 (Data obrashcheniya: 21.09.2017).

20. *Rusova N.Yu.* Ot allegorii do yamba: terminologicheskij slovar'-tezaurus po literaturovedeniyu. M.: Flinta; Nauka, 2004.

21. *Stepanova T.M.* Fol'klornye ehlementy hudozhestvennoj struktury dilogii R. Gamzatova «Moj Dagestan» v kontekste intellektual'noj prozy Severnogo Kavkaza. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2012.1/1647/stepanova2012_1.pdf (Data obrashcheniya: 17.08.2017).

22. *Tumina L.E.* Pritcha kak shkola krasnorechiya: Uchebnoe posobie. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008.

23. *Tyupa V.I.* Narrativnaya strategiya pritchi v literaturnoj tradicii. URL: http://www.philology.nsc.ru/elib/data/Pritcha_2014/05.Tupa.pdf (Data obrashcheniya: 15.08.2017).

24. *Tyupa V.I.* Tri strategii narrativnogo diskursa. URL: http://www.nsu.ru/education/virtual/discourse34_15.htm (Data obrashcheniya: 15.08.2017).

25. *Cherkesova P.S.* K voprosu o peredache nacional'nogo kolorita v hudozhestvennom perevode knigi R. Gamzatova «Moj Dagestan» // Literaturnoe obozrenie: istoriya i sovremennost'. 2012. № 2. S. 215-219.

26. *Chistyakova I.Yu.* O zhanrah russkoj slovesnosti // Ritorika i kul'tura rechi: nauka, obrazovanie, praktika: materialy XIV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (1-3 fevralya 2010 g.) / pod red. G.G. Glinina. Astrahan': Izdatel'skij dom «Astrahanskij universitet», 2010.

27. *Ehzip. Orel, galka i pastuh.* URL: http://www.epwr.ru/quotation/txt_396_7.php (Data obrashcheniya: 04.09.2017).

28. *Hamzatov R. Dir Dag"istan.* Mahachkala: GU «Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo», 2008.

THE PARABLE GENRE IN RASUL GAMZATOV'S BOOK "MY DAGESTAN" AS AN INSTRUCTIVE RHETORICAL MEANS FOR THE DAGESTAN STUDENT AUDIENCE

M.D. Vadzhibov
Dagestan State University

Abstract. The article describes the genre of the parable in the book "My Dagestan" by Rasul Gamzatov in translation from the Avar language into Russian as an instructive rhetorical tool for the Dagestan student audience. This is a novelty in the national speech culture, and in pedagogical and philological science aimed at the education and upbringing of students in the conditions of Dagestan polylingualism. At the present time the idea of the parable is stressed as being a genre it should be in demand in the student's educational space, for it really is a school of eloquence and has axiological value. The volume, content, subjects, specific features and the degree of study of parables in the book are considered. The expediency of using the notion of a "parable" in the original, which is primarily aimed at moralizing is paid a special attention to. Long-term experience of communication with high school students prompts us that communication is successful and effective when appealing to parable stories from the book, written by Rasul Gamzatov. Such narratives adorn any public oral presentations and materials in the periodical press, as well as private and educational talks.

Keywords: genre, parable, medium, narrative, story, history, legend, Dagestan, Rasul Gamzatov, Dagestan educational space, student audience, school of Eloquence, Rhetorical education, axiological value.

Сведения об авторе

Ваджибов Малик Джамалутдинович, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Дагестанский государственный университет (Махачкала, Россия), главный редактор журнала «Дидактическая филология».

Рецензент

Хван Людмила Борисовна, кандидат педагогических наук, профессор кафедры русской филологии, Каракалпакский государственный университет имени Бердаха (Нукус, Республика Узбекистан), член редакционной коллегии журнала «Дидактическая филология».